

Явление книжника или Пути изучения рукописного наследия Прохора Коломнятина

Ольга Кошелева

Abstract: *The Coming of the Bookman or Approaches to the Manuscript Heritage of Prokhor Kolomnyatin.* Presenting a review of the historiography from 1854 to the present, this article examines the scholarly study of the Russian bookman Prokhor Kolomnyatin (17th c.). It investigates how and why Prokhor's works attracted the attention of scholars; how they collected information about him, and bit by bit solved various riddles associated with him. Researchers uncovered four miscellanies collected by him: in particular, the one containing *School abecedaria* is known in eight copies. These miscellanies contain a variety of works, including poetic ones. Prokhor actively employed acrostics and cryptograms, which scholars have gradually managed to decipher. Other questions have focused on who Prokhor was and what his goals were in assembling his miscellanies. The answers that have been given vary, but one may argue that many issues have been satisfactorily resolved.

Keywords: historiography, Prokhor Kolomnyatin, Russian bookishness 17th century, verses, schooling, linguistics.

Спаси, Господь, души людем, пишуцим полезная!
Прохор Коломнятин. РГБ. Ф. 310. № 301. Л.125.

Имя Прохора Коломнятина до настоящего времени было малоизвестно, но сейчас есть все основания говорить о том, что он был выдающимся книжником XVII века. Как оказалось, имеется его достаточно богатое рукописное наследие, но оно, видимо, лишь часть им созданного. В настоящей статье будет показана история находок сборников Прохора Коломнятина и пути их изучения.

Сборник под условным названием *Школьные азбуковники* привлек к себе внимание уже в середине XIX века. Первым из известных владельцев этой рукописи оказался архиепископ Афанасий (Дроздов Александр Васильевич 1800–76). В 1847 году он был поставлен архиепископом Саратовским и Царицынским и переехал на жительство в Саратов. Отец Афанасий был человеком большой учености, собирал древние рукописи и монеты. В 1856 году, из-за постоянных конфликтов с местной администрацией его перевели в Астрахань (Воробьев 2003, 712–13).

В Саратове произошла важная встреча архиепископа Афанасия и молодого литератора и публициста Даниила Лукича Мордовцева (1830–1905), будуще-

Olga E. Košeleva, Russian Academy of Sciences, Russian Federation, odysseus1989j@gmail.com, 0009-0000-6708-5676

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Olga E. Košeleva, *The Coming of the Bookman or Approaches to the Manuscript Heritage of Prokhor Kolomnyatin*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.21, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 257-274, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

го известного автора исторических романов. Мордовцев вернулся в родной город на Волге в 1854 году, после окончания Петербургского университета. Здесь он стал редактором неофициальной части *Саратовских губернских ведомостей*, затем работал в статистическом отделе ведомства путей сообщения. Служба в системе министерства внутренних дел давала возможность пользоваться архивами, к которым частные лица не допускались. Интерес к истории побуждал Мордовцева изучать старинные книги, что и вызвало его желание ознакомиться с рукописями Афанасия. Одна из рукописей пробудила у него особый интерес, и он получил доступ к работе с нею. Это был рукописный сборник без названия, в дальнейшем называвшийся сборником *Школьных азбуковников*. Однако Мордовцев не успел закончить с ним работу: Афанасий забрал рукопись с собой, отбывая в 1856 году на новое место служения. Но это не помешало Даниле Лукичу ввести в научный оборот часть текста, которую он успел скопировать и прочесть: в 1862 году увидело свет его сочинение *О русских школьных книгах XVII века*¹. Эта работа — единственная в обширном творчестве Д. Л. Мордовцева (полное собрание его сочинений составляет 60 томов), являющаяся историческим исследованием, но ставшая широко известной.

Не случайно рукопись, принадлежавшая архиепископу, вызвала такой интерес начинающего литератора и он счел необходимым опубликовать свой труд о ней, не успев даже дочитать ее до конца. Как раз в 1854 году вышла книга Н. А. Лавровского *О древнерусских училищах*, в которой автор утверждал, что уровень просвещения и школьного дела в Древней Руси был чрезвычайно высок (Лавровский 1854). Идеи Лавровского нашли поддержку в церковных и в славянофильских кругах. В журнале *Москвитянин* вышли заметки И. К. Куприянова, в *Народной беседе* — сочинение М. Д. Хмырова, близкие по духу и содержанию книге Лавровского. В них особенно подчеркивался «народный дух» древнерусских школ.

В том же городе Саратове в это же самое время находился другой молодой литератор и публицист — Николай Гаврилович Чернышевский, который четырьмя годами раньше Мордовцева окончил тот же историко-филологический факультет Петербургского университета и в 1850 году также вернулся в родной город. Он тоже прочел книгу Лавровского, которая произвела на него самое отрицательное впечатление, им он поделился с читателями в резкой критической рецензии. «К несчастью, — писал он, — автор не мог найти решительно никаких определенных известий о предмете, который должен был составить содержание его книги. Поэтому эта книга осталась совершенно без всякого содержания. В ней говорится об училищах, но говорится ровно ничего, потому что ровно ничего нельзя сказать о них» (Чернышевский 1949, 689). В других рецензиях Чернышевский критиковал славянофильские исследования за, как мы сказали бы сегодня, «презентистский» подход: «В последнее время у многих ученых... развилась странная привычка переносить

¹ Здесь и далее все указания даны только на первые издания.

силь на старину все те понятия, какие только прилагаются к настоящему времени...», и объяснял это тем, что «между людьми, занимавшимися русской историей и изучением русской народности, было очень мало ученых в истинном смысле слова» (Чернышевский 1949, 675–76).

Таким ученым «в истинном смысле слова» был Николай Егорович Забелин, мнение которого о скудости и убогости древнерусской образованности пытался опровергнуть новгородский историк, постоянный корреспондент *Москвитянина* И. К. Куприянов, приведя несколько единичных примеров этой образованности, а также много общих рассуждений о том, что церковь и государство нуждались в грамотных людях (Куприянов 1855). Забелин пространно и очень корректно отвечал на критику Куприянова. Суть разногласий он верно усмотрел в «противоположности общих взглядов» авторов на историю России. Забелин, действительно, знал и любил древнюю Русь, однако без славянофильских умилений по ее поводу. Он дал критическую оценку обоим направлениям: западники вообще не дорожат национальными традициями, а славянофилы тщетно пытаются приладить устои старой Руси к новым условиям. Историк в целом не отрицал дальнейших изменений взглядов на образование в Древней Руси, но только на основе кропотливой работы с рукописными материалами и новыми в них открытиями. Он писал: «Разработка же русской старины еще в первой поре: она молода и неопытна, оттого и резкости, и односторонности в ее суждениях неизбежны» (Забелин 1856, 19–20).

Д. Л. Мордовцев был в курсе этой полемики по поводу уровня древнерусской образованности: в своей книге он сделал ссылки на статьи Куприянова, Забелина, Руднева, но он колебался — какую же из сторон поддержать? Отзывался Мордовцев об этих статьях 50-годов так: «Одни говорят, что до самого Петра у нас не было даже школ, другие едва ли не находят у нас существование Университетов во время Монгольского владычества. Настоящей же оценки хотя бы и XVII века мы почти не находим ни у кого, хотя этому времени давно бы пора отдать должное» (Мордовцев 1862, 27).

Случайно оказавшийся у него в руках сборник XVII века со школьными азбучовниками представился ему важным аргументом, «козырным тузом», в возникшем споре о существовании школ в древней Руси — он его доказывал! И, тем не менее, Мордовцев был солидарен с Забелиным: «[...] нам кажется более правильным, писал он, — взгляд Забелина на характер древнего образования в России, чем взгляд г. Куприянова. Г. Забелин, любя русскую старину, не увлекается предположениями относительно успехов педагогики в допетровской Руси, и не делает выводов, в сущности прекрасных и утешительных, но несогласных с действительностью, какие делает г. Куприянов, увлеченный той же любовью к старине» (Мордовцев 1862, 97). Одновременно он не соглашался с А. Рудневым, считавшим, что на Руси «училищ, даже и для самого начального обучения, почти вовсе не было» (Руднев 1855, 67). Сам Мордовцев старался быть в выводах осторожным, он работал с текстами, которые явно не отличались развитостью педагогической мысли, но тут был обширный круг знаний и стремление к ним. Многое в них было не-

понятно ему и удивительно. «И XVII век мы знаем всего менее, а еще менее оценили его», — писал он, одновременно подвергая сомнению значимость реформ Петра, и, таким образом, примыкая к славянофильским воззрениям (Мордовцев 1862, 26–7). В начале книги Д.Л. Мордовцев писал о том, что «Азбуковники очень ясно говорят о существовании у нас в XVII веке училищ для первоначального обучения» (Мордовцев 1862, 28). В ее же заключении он ушел от каких-либо общих выводов, объяснив в конце своего труда, что рукопись у него забрали и его работа оказалась прервана. И, тем не менее, в последующей историографии его книга действительно стала аргументом у тех, кто считал древнерусскую образованность высокой.

Желая сделать Афанасьевскую рукопись известной ученому миру, Мордовцев ставил задачу передать ее общее содержание, не делая сравнений с какими-либо другими сочинениями. Он писал: «Я не стану делать окончательных выводов на основании их (азбуковников — О.К.) содержания, я разберу их так, как будто бы они составляли отдельное явление в литературе того времени, без всякого отношения к прочим тогдашним памятникам, не делая никаких заключений относительно того, какое место они занимают в истории нашего развития ...» (Мордовцев 1862, 38). Опубликовать рукопись целиком автор не имел никакой возможности. Она содержала более 400 листов, включавших в себя 8 сочинений, называвшихся «азбуковниками», такое издание потребовало бы колоссальной археографической работы. Название «азбуковник» свидетельствовало только о форме текстов, составитель старался расположить их в алфавитном порядке. На первый взгляд рукопись представляла собой хаотично собранные силлабические вирши с дидактическими православными наставлениями, перемежающиеся молитвами, ветхозаветными текстами, образцами эпистолий, грамматикой и прочими сочинениями, которые, так или иначе, связаны с детским обучением. В них перемешаны руководства и для учителей, и для учеников, и для старост, и для родителей. Пересказать ее содержание практически невозможно, но все же Мордовцев героически взялся за этот труд.

Хотя Даниил Лукич и пытался следовать за текстом рукописи, все же из него он выделял темы, наиболее его интересовавшие. Одной из таких тем он считал описание в азбуковнике *Школьное благочиние* порядков, существовавших в допетровской школе. Мордовцев полагал, что азбуковник непосредственно отражал реальную школьную практику. Ему пришлось проделать сложные манипуляции при работе с текстом, поскольку школьные правила в нем, как он сам и отмечал, «рассеяны без всякой связи» и «трудно привести в систему эти отрывки» (Мордовцев 1862, 8).

Приведение бессистемного текста в систему поставило Мордовцева перед новыми трудностями: в разных «отрывках» он сталкивался с противоречивыми утверждениями. Например, в одном месте говорилось, что староста в классе был один, а в другом — что трое. Есть текст о роспуске детей по домам на обед и противоречащее ему правило о том, что учитель должен читать детям во время обеда «полезныя писания». Такие противоречия, видимо, не волновали автора-составителя этого сборника, но ставили в тупик Мордовце-

ва, который, к примеру, писал: «но как могли слушать эти правила ученики, когда они распускались по домам и обедали каждый со своими родителями? Для того, чтобы ученики имели возможность за обедом слушать эти учительские чтения, остается предположить, что к обеду их не распускали. Тогда явится необходимость делать заключения о том, что они обедали в школе; а это предположение ведет за собой новую догадку, что они имели в школе общий стол. Так на чей же счет готовился этот стол? На общественные деньги? Но эти догадки заведут нас слишком далеко и поднимут такие вопросы, на решение которых мы не надеемся при настоящих средствах» (Мордовцев 1862, 21). Воистину, это справедливо!

Еще одной странности текста, а именно повторов одного и того же утверждения в разных местах², Мордовцев нашел такое объяснение: «тоже-ство фраз и повторение их в разных местах одинаковым образом, все доказывает, что фразы эти имели полное гражданство в правилах нашей древней школьной дисциплины...» (Мордовцев 1862, 10). Автор заметил схожесть школьных правил азбуковников со школьным уставом братских школ украинского г. Луцка, однако, гипотезы о том, что может быть перед нами и есть пересказ правил *разных* братских школ, он не выдвинул.

В отождествлении сведений рукописи со школьной реальностью XVII века Мордовцевым делалось лишь одно исключение по отношению к проблеме наказаний. Он писал, что похвала розге — есть «только словесное устрашение», угрозы наказаний не были столь суровы на деле, как они выглядели на бумаге, упоминаемые «при всяком удобном случае и на каждой странице» (Мордовцев 1862, 13). При этом Мордовцев соглашался с И. Е. Забелиным в том, что воспитание «по большей части не обходится без розог» (Мордовцев 1862, 14). Однако, продвигаясь к концу рукописи, и выписав все, что говорилось о телесных наказаниях (Мордовцев 1862, 13–5), Мордовцев заметил, что на самом деле далеко не во всех азбуковниках поднимается тема розги. Опять возникло противоречие, которое сделало и текст Мордовцева в этом вопросе тоже противоречивым: с одной стороны без дополнительных сведений он не хотел верить в жестокость древнерусской учительской практики, тексты о которой сам же добросовестно и представил читателям, с другой — утверждал, что такая практика была обычной.

Стремление Мордовцева видеть в текстах прямые свидетельства о существовании школ оставляло без анализа их текстологические особенности: странные повторы и противоречия, отсутствие четкой композиции, виршевое и азбучное построение текстов и многое другое.

Книга Д. Л. Мордовцева стала классической, она обильно цитируется в историко-педагогических исследованиях, относящихся к допетровскому пе-

² Например, в одном месте: «В школу добру речь вноси, Из нее же словесного сору не износи». В другом: «Словес смехотворных и подражание в школу не вноси, Дел же, бываемых в ней, огнюдь не износи». В третьем: «Школьный сор вон изнесите, Бытностей же и речей огнюдь не изнесите».

риоду. Огромной заслугой историка явилась его хоть и недостаточно удачная, но смелая попытка сохранить и популяризировать содержание рукописи из собрания преосвященного Афанасия.

Судьба же самой Афанасьевской рукописи оставалась неизвестной, пока в 1895 году ее не обнаружил Андрей Николаевич Петров в библиотеке Казанской Духовной Академии, которой она была завещана ее владельцем. Об этом исследователе удалось найти мало сведений. В октябре 1896 года он был принят в члены-корреспонденты Общества любителей древней истории, видимо, так высоко был оценен сделанный им доклад относительно указанной рукописи. В ответ на сообщение ему об этом председателем общества, исследователь с благодарностью написал: «Ваше уведомление... всегда будет служить мне напоминанием об одном из счастливых моментов моей жизни. Сознание незаслуженности оказанной мне комитетом чести, омрачает, правда, праздничное настроение, вызванное Вашим письмом. Но в то же время оно еще более утверждает меня в намерении по мере сил служить Обществу в его стремлении к намеченным целям» (РНБ. Ф. 536. Д. 7. Лл. 282–282 об.). А. Н. Петров продолжил исследование школьных азбуковников и опубликовал один из них о «нерадивоучащихся учениках» (Петров 1896b).

По-видимому, Петров искал и другие списки сборника школьных азбуковников. Это следует из его краткой записки А.Н. Пыпину от 22 октября 1897 года: «[...] в указанной Вами статье Алакритского я не нашел сведений о *Школьном благочинии* Тихонравова...» (РНБ. Ф. 621. Д. 658. Л.98.). Петров предполагал в будущем инициировать публикацию всей Афанасьевской рукописи, а статьей привлечь к ней внимание. Он скромно писал: «Сознавая несоответствие своих малых сил и средств с обширностью задуманного предприятия, мы надеемся, что люди более нас сведущие в деле исследования памятников старинной русской письменности, не откажут нам в своем просвещенном содействии наилучшему осуществлению его» (Петров 1896a, 80).

Отдавая должное труду Д. Мордовцева, Петров справедливо посчитал, что сообщаемые им сведения не вполне достаточные и точные, что текст книги отличается сбивчивостью и неполнотой изложения; что он «не дает ясного представления об этого рода памятниках; не говорит, например, сколько азбуковников заключается в сборнике, не всегда говорит, из которого азбуковника сделана та или иная выдержка» (Петров 1896a, 79).

Петров сделал полное научное описание Афанасьевского сборника-конволюта, состоявшего из четырех самостоятельных рукописей. Он обстоятельно описал все произведения, входившие в сборник, вплоть до их внешнего вида (расположения текста на листах) и опубликовал некоторые небольшие тексты, показавшиеся ему наиболее интересными. Особенно подробно он останавливался именно на азбуковниках, поскольку, как и у Мордовцева, его интерес был связан с историей «русской школы». Так, Петров писал: «Во второй части сборника нет азбуковников; поэтому выписываем оглавление ее без всяких замечаний» (Петров 1896a, 98).

Андрея Николаевича в первую очередь занимал вопрос — как эти азбуковники могли использоваться в процессе школьного обучения, потому что

это было очень трудно себе представить (Петров 1896а, 99). Сама азбучная форма этих произведений наводила его на мысль о том «исчерпывалось ли назначение этих азбучников усвоением их содержания, не служили ли они еще каким-нибудь образом к усвоению самой азбуки или грамоты?» (Петров 1896а, 99).

Петровым были расшифрованы две авторские записи, сделанные тайнописью на рукописи, в которых он прочел имя «Прохор». Таким образом, он осуществил первые шаги к определению автора-составителя сборника, разгадав его имя и чин — иеромонах Прохор. «Разумеется, имя составителя сборника само по себе не важно для нас, — замечал исследователь, — оно получит значение в том лишь случае, если поможет нам выяснить личность составителя. Между тем последняя нам известна очень мало» (Петров 1896а, 101). Он утверждал на основе вышеуказанных записей, что одна из частей рукописи несомненно является авторским творчеством Прохора, но как раз она, по его мнению, не была связана со школой: «большая часть содержания, по всей вероятности, была им списана» (Петров 1896а, 101). Делал ли это именно Прохор или нет, но по гипотезе Петрова весь сборник составлялся одним человеком, который произвел это с определенной целью: «Чем, какими побуждениями было вызвано составление рассматриваемых рукописей, и затем соединение их в один сборник? Однородность содержания сборника не позволяет объяснить его происхождение случайностью; и если мы предположим в его составлении более или менее ясно сознанную цель, должны будем предположить в составителе какую-то прикосновенность к современной ему школе и школьному делу» (Петров 1896а, 101). Петров, как и Мордовцев, не сомневался в существовании «школьного дела» в XVII веке. Однако он, как и Мордовцев, не задался вопросом о том, является ли Афанасьевская рукопись протографом? Видимо из-за существования на ней записей Прохора, он считал ее первоначальным вариантом сборника.

А. Н. Петров точно сформулировал главные вопросы к Афанасьевской рукописи — о способах использовании азбучников, о личности их автора или составителя, о цели создания сборника. Но у него не было на них ответа.

После появления книги Д. Л. Мордовцева в различных рукописных коллекциях стали обнаруживаться сборники, близкие по содержанию с Афанасьевскому, иначе говоря — списки одной и той же рукописи. Они продолжают обнаруживаться и сейчас³.

В 1918 году, благодаря предыдущим изысканиям, приват-доцент Петербургского университета Владимир Владимирович Буш (1888–1934) в своем исследовании по истории воспитания в допетровской Руси опубликовал уже на основе нескольких списков текст *Школьного благочиния* — одного из со-

³ Известные списки: 1) Афанасьевский (конец XVII века), утерян в Казанской духовной Академии; 2) РГБ, ф. 96 (собр. Дурова), утерян; 3) сборник Флорищевой пустыни (конец XVII века) утерян; 4) РНБ, Q.III.6 (конец XVII века); 5) РНБ, собр. Михайловского, № 521 (конец XVII — начало XVIII века); 6) БАН, 3315.137 (конец XVII века); 7) РНБ. F.XIV. 73 (начало XVIII века); 8) РГАДА.Ф.357, № 60 (конец XVII века).

чинений в составе сборника Школьных Азбуковников (Буш 1918). Однако Афанасьевской рукописи среди них не было, ее он использовал лишь на основе публикаций Мордовцева и Петрова. Причину этому Буш не объяснил, и можно предполагать, что рукопись либо оказалась утраченной казанской библиотекой, либо ему было затруднительно ехать в Казань. Последнее мне представляется более вероятным, учитывая сложное революционное время, а также умолчание Бушем о каких-либо его попытках найти эту рукопись. Сама я в Казань съездила, но Афанасьевскую рукопись обнаружить не удалось.

Для публикации В. В. Буш проделал отбор текстов: только два из всех Азбуковников, по его мнению, имели отношение к воспитанию детей. Эти тексты в его книге претерпели такие искажения по сравнению с рукописями, что работать с ними почти невозможно. Буш дал текст без его стихотворной разбивки, без учета киноварных букв, которые являлись важным смысловым элементом текста: они-то и делали его *азбуковником*, располагая строки «по азбуке». Знакомясь с публикацией Буша, мало кто из читателей догадается, что читает стихотворное произведение: оно представлено сплошным текстом, как в подлиннике, что непривычно современному глазу. В.В. Буш не раскрыл слова, стоявшие под титлом, но напечатал их без титл, в результате появились странные слова «бг», «мрь» или даже «о где бзе» (Буш 1918, 104 и др.), которые ставят в тупик читателей, не посвященных в особенности древнерусской письменности, и режут глаз посвященным. Многие слова публикатор просто искажил. Например, вместо слов «речи, *годственные* глаголати...» (т. е. речи, пригодные для произнесения), в публикации — «речи, *государственные*...» (Буш 1918, 24).

В книге содержатся также и иные, кроме указанных, произведения о воспитании (например, *Гражданство обычаев детских*), все они сопровождаются предисловиями Буша. Он ставил те же вопросы, что и А. Н. Петров. На вопрос о связи азбуковников со «школьным делом» Буш отвечал, что «мы имеем возможность пользоваться азбуковниками только для характеристики указанных школ более высокого типа второй половины XVII в. (после 1645–49 годов — время вызова ученых иноков Ртищевым). Для характеристики школ грамоты азбуковники — весьма ненадежный и шаткий материал» (Буш 1918, 29).

Вслед за А. Н. Петровым (которого он ошибочно называл Поповым (Буш 1918, 25–6) В. В. Буш предполагал наличие у школьных азбуковников единого составителя: «несомненно, — писал он, — автором-составителем всех шести азбуковников Афанасьевского сборника (а следовательно — и других списков [...]) было одно лицо. В этом вряд ли может быть сомнение — слышном они однородны по своим целям и задачам» (Буш 1918, 26). При этом он отказывал Прохору в каком-либо авторстве текстов, считая его «простым переписчиком рукописи». Буш писал: «... имя Прохора-Первостранника — пустой звук, с которым мы не можем связать никаких биографических или иных каких-нибудь данных» (Буш 1918, 26). При этом он всё же стремился определить автора стихотворного диалога *Школьное благочиние*, открывающего собой сборник школьных азбуковников. Дело в том, что главный участник диалога назван «Слагателем». Этим читателю давалось понять, что текст — не копия, перевод или компиляция, он — авторский. Имя автора предла-

галось разгадать. Для этого в тексте помещены настойчивые указания: «Зде слагатель имя свое являет», «В вышепомянутом убо словеси слагателево имя, чин же и отечество совершися, зде его же ради писася, и о ведомости и чине ведомость положися», «В первой строке слогателево имя совершися, во второй началное слово отечеству положися». В. В. Буш писал по этому поводу: «Любознательность напряжена до крайности, но, признаемся, нам не по силам разрешить эту шараду» (Буш 1918, 26).

Это оказалось по силам исследователю русской литературы XVII века А. С. Демину (Демин 1976). Он обратил внимание на два стихотворных послания, которые предваряли до той поры неизвестный список сборника школьных азбуковников начала XVIII века (РНБ. Ф. XIV. 73). В других списках эти маловразумительные послания не сохранились. Острый глаз специалиста-литературоведа сумел разглядеть в них тексты, зашифрованные акростихом. Следуя этому же методу, Демину удалось расшифровать и сложнейшую тайнопись-акростих, заключенную в самом диалоге *Школьное благочиние*. Во всей тайнописи фигурировало имя Прохора, в том числе и как «Слагателя». Ответы на вопросы, поставленные в свое время А. Н. Петровым, оказались сразу найдены — стала ясна и цель составления сборника, и имя составителя. Акростих таков: «Творение черного попа Прохора Коломнятина, сие написав, послал до детского учителя Диомида Яковлева с товарищи».

Статья А. С. Демина, опубликованная в 1976 году, относилась к другой сфере авторских интересов, чем труды всех его предшественников, работавших со сборником школьных азбуковников. Демина интересовала литература, а не проблема «школьного дела», в первую очередь он обращал внимание на форму текстов, что и помогло ему увидеть то, чего до него не видели другие. Однако открытие А. С. Демина долго оставалось незамеченным, обнаруженное им новое имя Прохора Коломнятина в литературе XVII века даже не вошло в Словарь древнерусских книжников.

Однажды в моих руках оказался неизвестный список сборника школьных азбуковников из собрания Саровской пустыни. Желание с ним познакомиться подробнее было осложнено трудностями в понимании его текстов; стремление их преодолеть переросло в увлекательный процесс исследования (Кошелева 2011; Kosheleva 2013; Kosheleva 2015), который включил в себя и знакомство с вышеописанными достижениями моих предшественников. Для этого исследования оказались важными и труды из иных областей: исследования барочной литературы и виршевой поэзии XVII века (Панченко 1973; Гаспаров 1985; Былинин 1985; Елеонская 1990 и др.), и исследования по истории образования (Фонкич 2009 и др.). Иначе говоря, появились такие знания, которых не было у исследователей XIX века. Они позволяют представить себе тот культурный контекст, в котором возник и распространялся сборник школьных азбуковников.

Итак, стало известно, что «детский учитель» Диомид Яковлев сын Серков «со товарищи» попросил монаха Прохора написать ему «школьное благочиние», или, говоря современным языком, «школьный устав», «школьный распорядок». Прохор просьбу не только выполнил, но и перевыполнил.

Помимо сочиненного им *Школьного благочиния* он включил в сборник еще множество разнообразных материалов, которые, видимо, считал также нужными для работы учителя. Про Диомида как учителя ничего не известно, но его «след» в литературе был выявлен С. А. Семячко. В 1690-е годы Диомид работал писцом в Певческой палате при Патриаршем приказе, занимался перепиской и иных книг, сам составил сборник *Крины сельные (Цветы полевые)*, в том числе увлекался включением в свои тексты акростихов (Семячко 2003, Семячко 2013). Возможно, он был сыном малоизвестного иконописца Оружейной палаты Якова Серкова.

Мои поиски дополнительных сведений о Прохоре Коломнятине не увенчались успехом: о нем можно было судить только по тем немногим свидетельствам, которые он оставил в школьных азбуковниках. Прохор, видимо, был родом из Коломны. Он являлся монахом в священническом сане («черный поп») и жил в пустыни Марчуги на берегу Москвы-реки (ныне — село Фаустово). До 1678 года пустынь принадлежала Андреевскому монастырю в Пленницах, потом перешла к Соловецкой обители. Связь Марчуг с Андреевским «учительным» монастырем может объяснить интерес Прохора к школьной тематике, но это лишь гипотеза. В 1670–80 годы в Марчугах проводилось большое каменное храмовое строительство, поддержанное царем Федором Алексеевичем. Находясь в Марчугах в начале 1680-х годов, Прохор, безусловно, был свидетелем или участником этого строительства. Более того — как отметила со ссылкой на справочник П. М. Строева Н. В. Савельева — в 1677 году имя настоятеля пустыни было «Прохор» (Козинцев и Савельева 2020, 474). Из Марчуг он перебрался на Волгу, в костромской Ипатьевский монастырь. В 1684–85 годах Прохор уже называл себя «иеромонахом» (Петров 1896а, 85). Сами же тексты школьных азбуковников говорят о тяге Прохора к созданию виршей, к барочной словесности, к различным языковым «играм».

Вопрос о том, где и как могли использоваться тексты школьных азбуковников Прохора, на мой взгляд, имеет ответ. Школьного образования в российском обществе не сложилось в том виде, каким оно существовало в Европе и в регионе Малой и Белой Руси. Здесь школы заменяла система частного ученичества, которая сознательно строилась, исходя из отрицания и противопоставления себя «латинской» образованности (Kosheleva 2019). Однако идея школ завладела умами русских людей во второй половине XVII века. Причиной задуматься о необходимости нового обучения стал раскол в православной церкви, потрясший мирную жизнь прихожан. Помимо старообрядцев появились в Москве и осторожные сторонники западной учености, первым из которых был православный на словах и униат в душе монах Симеон Полоцкий, а также переводчики Посольского приказа, соприкасавшиеся с западной литературой, и выпускники Киевской академии, усвоившие латинскую премудрость, и многие другие. В связи с расколом также повысился интерес к греческой письменности, и сами греки постоянно присутствовали в Москве и подогревали идею создания школ (Фонкич 2009). В 1681 году удалось организовать греко-славянское училище на московском Печатном дворе и по

соседству с ним, в Заиконоспасском монастыре занимался с подъячими латынью Сильвестр Медведев. К 1682 году был подготовлен и подан царю Федору Алексеевичу *Привилей на Академию* — проект создания высшего учебного заведения. Существует множество и других фактов, которые говорят о том, что вопрос о расширении круга знаний, о новых формах обучения возник с особой остротой, он заинтересовал не только рядовых книжников в рясах и без ряс, но и церковных иерархов, и царский двор, поскольку «правильное» школьное православное обучение могло как-то предотвратить разномыслие и церковный раскол. То, что он возник от «невежества» — стало достаточно распространенной идеей, которую декларировали Симеон Полоцкий и Паисий Лигарид на соборе 1666 года.

Последняя четверть XVII века — время стремлений к созданию учебной книги, ориентированной на православных детей, поиска ее оптимальных форм и содержания. Попыткой решить эту проблему, видимо, и является сборник Школьных азбуковников, как и другие подобные сборники текстов, которые учителя создавали для своих учеников (о чем и просил Прохора учитель Диомид) (Kosheleva 2015).

Многие из подобных сборников в разное время описывались, частично публиковались и цитировались, но вплоть до недавнего времени никаких обобщений рукописного наследия учебного характера сделано не было. Новую парадигму в разработке темы задала Мария Кристина Брагоне, опубликовавшая *Алфавитар* Евфимия Чудовского с комментариями практически к каждой его строке. Эти комментарии выявляют параллели с другими рукописями, интерпретируют каждый сюжет в тексте и, таким образом, сама публикация текста превращена в его серьезное исследование (Bragone 2008). Безусловно *Алфавитар* — сочинение, типологически схожее со школьными азбуковниками Прохора (Kosheleva 2015). Теперь можно отойти от точки зрения Мордовцева, рассматривавшего рукопись Прохора «как отдельное явление в литературе того времени без всякого отношения к прочим тогдашним памятникам» (Мордовцев 1862, 38). Возможно выделить три группы «учительских» сборников: 1) Школьные азбуковники в различных списках (см. сноску 3); 2) *Алфавитар* в различных списках (Bragone 2008, 23); 3) уникальные учительские сборники в единичных списках (Кошелева 2013; Кошелева 2015a; Кошелева 2015b). Их целевая аудитория — люди, связанные с процессом обучения: учителя, ученики, родители. Однако авторам этих сборников не удалось внести что-либо новое в содержание образования. По сравнению с литературой латинской традиции, православная литература была бедна текстами, связанными с обучением, что естественно при отсутствии школьных практик. Поэтому содержание образования оказывалось в этих сборниках традиционным — уметь читать душеспасительные книги и понимать Священное писание, чтобы становиться на путь спасения души. Однако учить всему этому Прохор (как и некоторые другие авторы учительских сборников) предлагал совершенно по-новому — через стихотворные тексты. Кажется, он и представлял себе общение в стенах школы исключительно рифмованной речью.

Разные обстоятельства помешали мне опубликовать почти уже готовую книгу про школьные азбуковники Прохора Коломнятина. Это огорчало, но как оказалось, совершенно напрасно!

С 2019 года филолог Н.В. Савельева начала публикацию серии статей с анализом обнаруженного ею в неописанной части рукописей РО ГИМ сборника, имеющего владельческие записи Прохора Коломнятина и бесспорно принадлежавшего ему как составителю (ГИМ, Муз. собр. 2803) (Савельева 2019; Левичкин и Савельева, 2021; Козинцев и Савельева 2020, Козинцев и Савельева 2021). находка сборника *Цветник* помогла исследовательнице связать с ним уже известный, но не атрибутированный как принадлежавший Прохору Коломнятину сборник из собрания РГБ (Ф. 310. № 301): он считался написанным безвестным писцом Прохором (Крушельницкая 1996, 68). Теперь же имя «Прохор» перестало быть «пустым звуком, с которым мы не можем связать никаких биографических или иных каких-то данных», как об этом писал В. В. Буш (см. выше); биография Прохора приняла достаточно отчетливые формы.

Итак, сведения о Прохоре в начале 80-х годов XVII в. дополнились данными более раннего периода его жизни — начиная с 40-х годов (Савельева 2019; Крушельницкая 1996). Я воспроизведу их кратким образом. В сборнике РГБ Прохор написал о себе: «Переславля Залесского Живоначальные Троицы Данилова монастыря чорной дьякон» (РГБ. Ф. 310. Д. 301. Л.125.). Здесь же он оставил много записей, фиксирующих приобретение рукописей для сборника: «... выменил *Житие* ... у житенного дьячка», «... *Сказание о обретеннии мощей* ... , то аз, убогий, потрудися руководством своим» (т.е. написал своей рукой), «... *Взятие Царя града* ... даде же ми москвитин Иаков Яковлев», «списал сие *Житие* на Москве [...] у торгового человека Матфея Леонтиева» (РГБ. Ф. 310. Д. 301. Лл. 125, 128 об., 142 об.) и др. По этим записям, в которых везде проставлены не только имена, но и даты, видно, что Прохор весь 1663 год целенаправленно собирал материалы об основателе монастыря Даниле Переславском: в конце января он — в Переславле, 17 марта он — в Москве, весь сентябрь трудится вновь в Переславле, собирая и переписывая тексты. Одна из записей ретроспективна — она рассказывает о том, как в 1652 году по повелению патриарха Никона проходило «свидетельствование» (т. е. признание) чудес Даниила, судя по ней, Прохор при этом присутствовал. О поддержке клира Данилова монастыря местоблюстителем патриаршего престола ростовским Ионой говорит перемещение и келаря, и строителя этой обители в Чудов монастырь в 1662 году, но с родной обителью они не теряли связи и содействовали ее развитию. Работа Прохора не представляется случайной, в переславском монастыре как раз в 1660-е годы шло строительство, поддерживаемое из Москвы — в 1660 году была построена церковь для раки с мощами Даниила, а в 1662 году — началась роспись собора (Добронравов 1908, 51–7; Сукина 2002, 11). Очевидно, что сборник с *Житием* и чудесами Даниила составлялся в едином комплексе мероприятий по его признанию чудотворцем, которое ставило монастырь в особо выгодное положение и давало доход от паломничества людей, ожидавших чудотворе-

ния. Такую работу мог выполнить для монастыря только опытный книжник, которым Прохор и являлся.

Все время Прохор, оставаясь в монастыре «черным дьяконом», копировал для себя разные тексты и писал собственные. В 1668 году он объединил их под одним переплетом в малую (в «осьмушку»), но толстую (220 листов) книжицу. Исползованные в ней тексты чрезвычайно разнообразны: есть выписки из Пролога, Псалтыри, Маргарита, Алфавита, Хронографа, Лествицы, Физиолога, Краткого летописца, изречения из Златоуста и Василия Великого и мн. др. Склонность Прохора к фиксации происхождения использованных им текстов показывает, как отмечает Н.В. Савельева, что он имел у себя большое количество книг московского Печатного двора и цитировал их с указанием страниц. Тематика также широка: об Оригене, об Арии, о Пифагоре, о Софии Премудрости Божьей (из Кирилла Философа), каким подобает быть учителю, о составе души, таблица грехов человеческих, о пьянстве, о морях, о Волошской земле, об Америке; о камнях, «Круг небесный», о Иерусалиме, о крещении Владимирове, о церковных таинствах, о строительстве в Ростове церкви Вознесения и мн. др. Присутствуют здесь и рецепты для художественного мастерства: как «по тофте писать золотом», «како синь творить», «како ярь ставить», «состав как наводить на булат и на сталь и на простое железо по черни золотом», «как писать водою на бумаге» и «как писать фосфором по бумаге» (ГИМ. Муз. собр. 2803. Лл. 188–189 об.). Эти сведения, возможно, почерпнуты у иконописцев-костромичей, расписывавших Троицкий собор. Здесь есть и стихотворные опусы, например, поздравительные вирши некоему Василию Петровичу и расположение текстов по алфавиту, и акrostих, что роднит сборник 1668 года со сборником 1680-х годов. Но главный интерес представляют собой необыкновенные словари-разговорники, безусловно составленные самим Прохором: небольшие — латинский и греческий, огромный — тюркский, а также редчайшие — коми-зырянский и карельский (см. подробнее: Левичкин и Савельева 2021; Козинцев и Савельева 2020, Козинцев и Савельева 2021; Савельева, Муллонен и Федюнева 2021). Словари Прохор создавал по тематическому принципу (Н. В. Савельева даже сравнивает его подход к языкам с подходом Яна Амоса Коменского, представлявшего через них весь подгорный мир; см. Левичкин и Савельева 2021, 73). В тюркском словаре в особых главах описываются обычаи и вера мусульман, их одежда, вооружение, письменность, география Крымского полуострова. Словарь свидетельствует о пребывании Прохора в крымском плену, и, по обоснованному мнению Н. В. Савельевой, составлен он именно там. Она считает, опираясь на косвенные свидетельства этого текста, что Прохор принадлежал к служилым дворянам, но при этом «занимался знакомым ему служебно-приказным делом» (Савельева 2019, 61), что, на мой взгляд, противоречиво, но все же возможно. Савельева также предполагает, что Прохор «был воспитателем при (крымском — О.К.) дворе высокопоставленного лица и мог наблюдать за повседневной придворной жизнью и бытом» (Савельева 2019, 61); это, однако, представляется невероятным. Или пленник мог «использоваться в качестве секретаря или переводчика при русском посольстве в Крыму» (Савельева 2019, 61);

это тоже вряд ли возможно (посольства, приезжавшие на небольшие сроки, не имели секретарей и переводчиков, толмачи же брались из касимовских татар).

Разные тексты были систематизированы Прохором и переплетены в сборник, получивший популярное название *Цветник* — «букет» разнообразных выписок и сочинений. Такие малые, карманные книжицы было удобно носить с собой. Две надписи в конце книги, сделанные рукою Прохора, как всегда имеют имя, чин, дату и место написания: «Сия книга, рекомая *Цветник*, черного дьякона Прохора Коломнятина. Подписал своею рукою 176 году февраля в 7 день» (л. 219) и «Переяславской поп Данил отпущен марта 3 со Александром и с Путилою вместе» (форзац). Последнее событие, видимо, было чем-то важно для Прохора. Возможно, эти надписи имеют связь между собой: не исключено, что Прохор передал свою рукопись попу Даниле, отправившемуся в начале марта, пока не началось половодье, куда-то в путь.

Содержание сборника ГИМ, как и двух других, показывает, что Прохор был знатоком современной ему книжности. Он любил точность, систематизацию и порядок в своих сборниках и никогда не забывал проставить дату и свое имя. Но главное его качество — любовь к языку, говорит о том, что он имел дар лингвиста. Его пленяло существование разных языков, он творил вирши и придумывал сложные шифры, он постоянно играл в игры со словами. Будучи эрудитом, Прохор работал на заказ, точнее — по просьбам: учитель Диомид просил его написать про школьное обучение, псковский келарь Феодосий — о том, как слагать послания в виршах, а власти переславского Данилова монастыря — собрать тексты о чудесах Даниила. Прохор все эти задания выполнил, и вероятно, он получал другие подобные просьбы, о которых нам не известно. Он имел широкий круг знакомств, в том числе в Москве. Дважды мы видим Прохора в местах активного монастырского строительства — в Марчугах и в Даниловом монастыре, что, возможно, не случайно. Период жизни Прохора между Переславлем и Марчугами покрыт неизвестностью. Хотелось бы узнать о Прохоре больше и увидеть еще тексты, написанные его рукою. На это можно надеяться.

Статья эта, однако, не о Прохоре Коломнятине и его трудах, а о том, как и почему он привлекал внимание многих исследователей, и они шаг за шагом разгадывали его загадки, собирали по крупицам сведения о нем, и теперь Прохор Коломнятин, безусловно, займет место в ряду выдающихся книжников XVII века. Это статья о том, что нас еще ждут открытия новых имен в среде интеллектуалов предпетровского времени.

PS.

После того, как данная статья была закончена и отправлена в печать, я обнаружила еще один сборник, составленный Прохором. О нем сделано это краткое дополнение без изменения текста самой статьи, в которой была выражена надежда на новые находки.

Речь идет о рукописи под названием *Разум церковный*, уже известной исследователям, занимавшимся календарно-хронологическими сборниками, она имеет две записи с именем Прохора (Романова 2002, 296–97). Сравне-

ние почерков показывает, что, без сомнения, одна из записей сделана рукою Прохора Коломнятина. В авторском предисловии к книге (Кошелева 2024) сказано, что имя составителя сборника «по осмочастному разуму положенное» читатель найдет в его конце. Таким же образом Прохор обращался к читателям *Школьных азбуковников*, шифруя свое имя. В завершении сборника, однако, шифра нет, зато автор открыто обозначен в самом его начале, где сказано, что *Разум церковный* был написан в 1671 году в Андреевском монастыре «в Пленницах» «черным диаконом Прохором». Вторая же запись по нижнему полю рукописи говорит о том, что в апреле 1673 года иеромонах Спаса Нового (московского Новоспасского монастыря) Прохор Тихомиров продал эту рукопись дьякону этого же монастыря Макарию. Таким образом, период жизни Прохора между Переяславлем и Марчугами неожиданно приобрел ясные черты. Он переехал в Москву, в Андреевский учительный монастырь, не случайно написанный им здесь сборник *Разум церковный* носит учебный характер⁴, а затем принял священнический сан и перешел в Новоспасский элитный монастырь с усыпальницей царской фамилии Романовых. Здесь Прохор находился в 1673 году, когда по желанию царя Алексея Михайловича там началось строительство церкви Покрова Богородицы, и это уже третий случай его присутствия при начале строительства нового храма. В этой записи Прохор называет себя Тихомировым, т. е. имя его отца — Тихомир, в переписях жителей Коломны возможно его удастся обнаружить. Итак, мы видим Прохора насельником ряда выдающихся монастырей — Данилова, Андреевского, Новоспасского, Марчугского, Ипатьевского — вероятно, его энциклопедические знания и учительные наклонности были широко востребованы. Прохор Коломнятин настойчиво заявлял о себе своими записями на рукописях, благодаря чему его имя встретилось многим исследователям российской книжности XVII века (А. Н. Петрову, В. В. Бушу, А. С. Демину, Е. В. Крушельницкой, А. А. Романовой, О. Е. Кошелевой). Однако в разрозненном по разным исследованиям состоянии оно долго оставалось «пустым звуком», теперь же, в первую очередь благодаря работам Н. В. Савельевой, его творческое наследие, собранное воедино, и его биография стали значимы и очевидны.

Источники

Архивные материалы

Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук (НИОР БАН).

Отдел Рукописей Российской Государственной Библиотеки (ОР РГБ).

Музейное собрание Рукописного Отдела Государственного Исторического Музея (РО ГИМ Муз. собр.).

Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА).

Отдел Рукописей Российской Национальной Библиотеки (РНБ).

⁴ О его содержании подробнее см.: Романова 2002, 297–303.

Библиография

- Буш, Владимир В. 1918. *Памятники старинного русского воспитания. К истории древнерусской письменности и культуры*. Петроград: тип. Кюгельген, Глич и Ко.
- Былинин, Виктор К. 1985. *Русская поэзия первой половины XVII в. Проблемы развития*. Дисс. на соискание звания канд. филол. наук. Москва.
- Воробьев, Михаил свящ. 2003. «Афанасий (Дроздов Александр Васильевич).» В *Православная энциклопедия*. Т. 3, ответственный редактор патриарх Кирилл, 712–13. Москва: ЦНЦ Православная энциклопедия.
- Гаспаров, Михаил Л. 1985. «Оппозиция «стих-проза» и становление русского литературного стиха.» В *Русское стихосложение: Традиции и проблемы развития*, редактор Леонид Тимофеев, 264–77. Москва: Наука.
- Демин, Анатолий С. 1976. «Диалог «Школьное благочиние» Прохора Коломнятина.» В *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник за 1975 год*, редактор Дмитрий Лихачев, 48–52. Ленинград: Наука.
- Добронравов, Василий Г. 1908. *История Троицкого Данилова монастыря в городе Переславле-Залесском*. Сергиев Посад: Типография Троице-Сергиевой лавры.
- Елеонская, Анна С. 1990. *Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века*. Москва: Наука.
- Забелин, Иван Е. 1856. «Характер древнего народного образования в России (несколько замечаний о «Заметке для истории просвещения в России» г. Куприянова).» *Отечественные записки. Журнал учено-литературный* 3, 105: 1–20.
- Козинцев, Марк А. и Наталья В. Савельева. 2020. «Тюркско-русский словарный свод в сборнике инок Прохора Коломнятина 1668 г.» В *Труды отдела древнерусской литературы*, отв. ред. Наталья Поньрко. Т. 67, 468–552. Санкт-Петербург: Наука.
- Козинцев, Марк А. и Наталья В. Савельева, 2021. «Тюркский свод Прохора Коломнятина в ряду нарративных памятников крымской тематики XIV–XVII веков.» *Золотоордынское обозрение* 9, 4: 808–31. <https://doi.org/10.22378/2313-6197>.
- Кошелева, Ольга Е. 2011. «Как сочинять послания в виршах? «Уроки» Прохора Коломнятина (1680-е гг.).» В *Человек читающий: между реальностью и текстом источника*, отв. ред. Ольга Тогоева и Игорь Данилевский, 283–315. Москва: Институт Всеобщей истории РАН.
- Кошелева, Ольга Е. 2013. «Рукописный сборник учебного состава и А. А. Винуус.» В *Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Третьи чтения памяти Л. В. Милова, Материалы международной научной конференции*. Вып. 3, отв. ред. Валентин Янин и др., 491–99. Москва: Издательство МГУ.
- Кошелева, Ольга Е. 2015а. ««Алфавитницы дидакакала» и формирование учебной книги в рукописной традиции второй половины XVII века.» В «*В России надо жить по книге*». *Начальное обучение чтению и письму. Становление учебной книги XVI–XVII вв.*, отв. ред. Мария Тендрякова и Виталий Безрогов, 30–41. Москва: Памятники исторической мысли.
- Кошелева, Ольга Е. 2015б. «Рукописный сборник князей Черкасских — памятник педагогической мысли XVII в. (источниковедческий аспект).» В *Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Четвертые чтения памяти Л. В. Милова. Материалы международной научной конференции*, отв. ред. Валентин Янин и др., 238–43. Москва: Издательство МГУ.
- Кошелева Ольга Е. 2024. «Предисловие до боголюбезного читателя» Прохора Коломнятина из рукописи «Разум церковный». В *Словесность и история*: 3. С.53-68.

- Крушельницкая, Екатерина В. 1996. *Автобиография и Житие в древнерусской литературе*. Санкт-Петербург: Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН.
- Куприянов, Иван К. 1855. “Заметки для истории просвещения в России.” *Москвитянин* 10: 147–50.
- Лавровский, Николай А. 1854. *О древнерусских училищах от принятия христианства на Руси до конца XV века*. Харьков: Типография Харьковского университета.
- Левичкин, Александр Н. и Наталья В. Савельева, 2021. “Памятники древнерусской лексикографии в сборнике Прохора Коломнятина.” *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарных Наук* 163, 4–5: 67–96. <https://doi.org/10.26907/2541-7738>.
- Мордовцев, Даниил Л. 1862. *О русских школьных книгах XVII века*. Москва: Университетская типография.
- Панченко, Александр М. 1973. *Русская стихотворная культура XVII века*. Ленинград: Наука.
- Петров, Андрей Н. 1896а. “Об Афанасьевском сборнике XVII в. и заключающихся в нем азбуковниках.” В *Памятники древней письменности, СХХ*, прил. 4, 78–101. Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова.
- Петров, Андрей Н. 1896б. “Азбуковник о нерадивоучащихся ученицах (к вопросу о физических наказаниях в старинной русской школе).” *Народное образование* 11: 37–45.
- Романова, Анастасия А. 2002. *Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Руднев, А. 1855. “О воспитании в России в XVI и XVII вв.” *Библиотека для чтения* 8. *Смесь*: 67–72.
- Савельева, Наталья В. 2019. “Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина.” *Русская литература* 3: 54–63. <https://doi.org/10.31860/0131-6095>.
- Савельева, Наталья В., Муллонен, Ирма И. и Галина В. Федюнева. 2021. “Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 г.” *Linguistica Uralica* LVII (4): 250–76. <https://dx.doi.org/10.3176/lu>.
- Семячко, Светлана А. 2003. “Об автографах Диомида Серкова и сборнике «Крины сельные».” В *Труды отдела древнерусской литературы*. Т. 54, 613–22. Санкт-Петербург: Наука.
- Семячко, Светлана А. 2013. “Автограф Диомида Серкова в Библиотеке БАН.” В *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН*, отв. ред. Ирина Беляева, 133–35. Санкт-Петербург: Библиотека Академии наук.
- Сукина, Людмила Б. 2002. *Троицкий собор Данилова монастыря в Переславле-Залесском*. Москва: Северный паломник.
- Чернышевский, Николай Г. 1949. “О древнерусских училищах Н. Лавровского.” В *Полное собрание сочинений. В 15-ти томах. т. 2. Статьи и рецензии 1853–1855*, 688–89. Москва: Гослитиздат.
- Фонкич Борис Л. 2009. *Греко-славянские школы в Москве в XVII вв.* Москва: Языки славянских культур.
- Bragone, Maria Cristina. 2008. *Alfavitar radi uchenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento*. Firenze: Firenze University Press.
- Kosheleva, Olga. 2013. “Formation of the 17th Century Intellectual Elite and the Works of Prokhor Kolomniatin.” *Quaestio Rossica* 1: 79–89.

- Kosheleva, Olga. 2015. "What should one teach? A new approach to Russian Childhood Education as reflected in Manuscripts of the Second Half of the Seventeenth Century." In *Word and Image in Russian History. Essays in honor of Gary Marker*, edited by Maria Di Salvo, Daniel Kaiser, Valery Kivelson, 270–95. Boston: Academic Studies Press.
- Kosheleva, Olga. 2019. "Education as a Problem in Seventeenth-Century Russia." In *The State in Early Modern Russia: New Directions*, edited by Paul Bushkovitch, 191–217. Bloomington: Slavica Publishers.